

Денис Дробышев

СРО

Роман

Денис Дробышев

СРО

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Дробышев Д. А.

СРО / Д. А. Дробышев — «ЛитРес: Самиздат», 2014

«СРО» – злой, хулиганский, постмодернистский роман, стилизованный под социальную фантастику. Гротескные герои книги показывают нелепость характерных для России 2000-х типажей. Религиозные олигархи, незадачливые модернизаторы экономики, молодые люди, увлекающиеся восточной мистикой, - все они мечтают выбиться из грязи в князи. Однако на фоне сюжетной пантомимы разыгрывается нешуточная трагедия живых людей: главный герой романа - слабый, безвольный мужчина, который добивается любви своей волевой и влиятельной жены. «СРО» будет интересен читателю, который любит литературный гротеск, иронию, и стилистические пародии.

© Дробышев Д. А., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

1 часть	5
1	5
2	10
3	13
4	17
5	21
6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

1 часть

1

На внутреннем витке одной из звездных спиралей, на планете, сумевшей удержать возле себя газовую оболочку, происходила навязчивая, труднообъяснимая, но неплохо изученная обитателями, суета. На периферии этого процесса, за счет упрямого вращения лопастей, в атмосфере держался летательный аппарат.

Бок планеты, над которым завис вертолет, медленно поворачивался к Солнцу. Надежда Хлопотова, единственный пассажир корпоративной «стрекозы», наблюдала в иллюминатор, как бледнеет небо. Пилот закладывал посадочный вираж. Навстречу снижающейся машине поднимался смог, из-за чего казалось, что построенный на холмах город находится в темной яме. Габаритные огни автомобилей, которые так походили на звезды, еще не начали гаснуть, но свет уже проявлял очертания зданий, и сходство с картиной космоса постепенно терялось.

Хлопотова слышала треск радиопомех и искаженный голос диспетчера, видела квадрат посадочной площадки, чувствовала толчок дюралевого трапа.

«Началось», — Надежда с шумом выдохнула и покинула салон.

Из-за шума турбин звонок был не слышен, но телефон елозил в кармане брюк, словно пробивал дорогу к ее лону. Экран пульсировал именем начальника: «Охальник», «Охальник», «Охальник».

– Слушаю.

– Наденька, душа моя, что это твой благоверный на работу опаздывает? Чем ты его по ночам утомляешь?

– Хлопотов вышел вовремя. Должен быть в офисе, если в метро без происшествий.

– Я еще час назад поручил ему подготовить пакет документов. До сих пор не получил ни ответа, ни уведомления, что мое письмо открыто. Это задание к оперативному совещанию. Назрел момент, когда важны регионы. Так что, малыш, срочно найди мужа, и как исполнительный директор или как глава семьи, хе-хе, встряхни его. Быстро взбодри его департамент или подготовь документы сама.

Хлопотова набрала номер мужа. Робот-оператор ответил, что абонент не в сети, и порекомендовал позвонить позже. Хм. Витя, что это ты вдруг вздумал чудить?

Надежда спустилась на один этаж и тронула ручку двери Департамента регионального развития. Стоп. «Интересно, чем они там занимаются?» — она развернулась на каблуках, миновала коридоры, лифты, серверные комнаты и вошла в кабинет, вернее комнатку, начальника техслужбы.

– В игрушки режетесь, переростки? — Хлопотова села на край стола начальника сисадминов.

– Что вы, Надежда Евгеньевна, пашем, как ишаки! — лысоватый парень умело свернул все окна.

– Покажи-ка мне, чем «региональщики» занимаются: Интернет, переписка, приложения.

Три очереди коротких кликов и Хлопотова изучала подноготную мужниного отдела. Снова серверы, лифты, коридоры, дверь департамента.

– Где Хлопотов? — Надежда обвела взглядом помещение: секретарша Света часто моргала, демонстрировала участие, но причину отсутствия шефа объяснить не могла.

– Что ты уселась, как курица на яйцах, — Хлопотова повысила голос, — где все твое руководство, где хлопотовский зам, наконец?

Как из-под земли вырос серолицый клерк. Надежда заметила, что ногти его подпорчены какой-то болезнью. Он натянуто улыбался, топорща седоватые усы.

– Вы тот самый Рейган?

– Лучше просто Саша.

– Я сама знаю, как лучше. Почему табачищем прет? Хотите лишиться премии за отказ от курения?

– Я в курилке проводил разъяснительную беседу с упорствующими, дабы собственным примером показать все выгоды здорового образа жизни.

– Шельма. Весь ваш отдел сидит на посторонних ресурсах, а господин Охальник звонит мне и спрашивает, почему не подготовлен отчет. Кто такой Зотов, почему в такой сложный для компании момент его интересуется, как сыграл «Факел» с московским «Космонавтом»? Не перевести ли его в воронежский филиал, поближе к любимому клубу? А специалисту Макарецу нужно урезать зарплату, чтобы отпало желание зависать в интернет-магазинах.

– Я думал, господин Хлопотов на вертолете, с вами.

– Вертолет только для акционеров. Хлопотов — всего лишь директор департамента.

– Я не знал, что так строго. Все равно вертолет гонять, так не логичней ли было бы двоих прихватить?

«Логичней, но твоего друга тошнит в вертолете, — подумала Хлопотова, — слабый вестибулярный аппарат. Тебе ли не знать об этом, усатый хрыч, ведь это с тобой он напивается и приходит домой с рвотными брызгами на туфлях».

– Пароль хлопотовского компьютера знаете? Срочно ответьте господину Охальнику, мобилизуйте департамент, готовьте документы. Если Хлопотов не объявится, пойдете вместо него на планерку. Все ясно?

Рейган кивнул.

Телефон мужа по-прежнему был заблокирован. Зато мобильник Хлопотовой снова зазвучал вибровзвоном.

– Киска, сегодня, похоже, международный день опозданий, — Охальник был раздражен.

– Кто еще?

– Малек.

– Не знаю такого.

– Специалист, который после тебя отдел страховки возглавил. Вспомнила? Так вот, этот клоун застрял в пригородной электричке. Говорит, станцию какую-то заминировали — все движение встало. Тему ты хорошо знаешь. Проведи встречу с конструкторами вместо него.

– О'кей, — Хлопотова вернулась к лифту.

В переговорном зале царствовал модный неокосмический стиль. Стол украшала тесненная карта российских звездных магистралей, сильно расширившаяся в последние десятилетия за счет освоенных галактик. Муляжные кнопки и тумблеры на подлокотниках — стилизация под кресла пилотов. Вместо естественного освещения в стенах мерцали иллюминаторы, в которых компьютерная графика «шевелила» планеты. В годы освоения галактик так оформляли кабинеты госучреждений, впоследствии стиль вылился в дизайнерскую шутку, легкую иронию над колониальным величием.

Хлопотова любила работать с инженерами. Ей нравились эти угловатые мужики в тесноватых пиджаках, которые так боялись потерять свой проект.

– Друзья, я, признаться, была несколько удивлена, когда узнала, что у вас есть дополнения к проекту страхового договора, поэтому решила сама подключиться к делу, — Хлопотова начала совещание, — в прошлый раз вы с моим коллегой плотно поработали с каждым пунктом. Мне казалось, мы учли все, кроме провидения и божественной кары. Но таким формулировкам нет места в страховом бизнесе.

– В ракетостроении тоже, — ответил пожилой директор проекта, — мы — материалисты, и надеяться нам не на кого. Именно поэтому нужно заранее просчитать все возможные ситуации и включить их в список страховых случаев.

– Господа, мне, конечно, приятно общаться с умными мужчинами, но сроки на подготовку страхового документа определены регламентом нашего холдинга, и они давно вышли. Из-за вас уже несколько раз откладывалось общее собрание акционеров, на котором решается судьба проекта. Напомню, что моим коллегам необходимо внимательно изучить проект, все проверить, посчитать. Так что я надеюсь, что это последние дополнения.

– Заключительные.

– Что, простите?

– У нас не любят слово «последний». Оно какое-то фатальное. И когда отправляешь людей или дорогостоящую технику в темную бездну, не хотелось бы его употреблять. А вы сказали: «Последние дополнения».

– Послушайте, СРО «Космопром» — лидер на отечественном рынке ракетно-космического страхования. Мы работаем с государственным космическим агентством, министерством обороны, с транспортными и добывающими предприятиями. И только вы отказываетесь подписать типовой договор. СРО пошло вам на встречу, но, на мой взгляд, вы злоупотребляете нашим расположением. Мое мнение разделяют и другие акционеры. Затягивая сроки и ставя невыполнимые условия, вы рискуете остаться без страховки накануне старта.

Старый инженер вздохнул. В глазах его читалось желание видеть на месте Надежды мужчину. Конструктор терялся, понимая, что с женщиной бесполезно торговаться и строить неформальные отношения. Тогда в дело вступил заместитель главного конструктора по экономическим вопросам. Это был крупный, высокий сорокалетний инженер, якобы обладающий коммерческой жилкой:

– Надежда Евгеньевна, вы нас неправильно поняли, мы тоже хотим уладить все формальности как можно быстрее. Это в наших интересах, но и вы поймите нас! Мы запускаем астрофизический зонд. От того, как он сядет, будет зависеть, сможет ли он работать, бурить скважины, брать пробы. Учитывая его стоимость, от проекта зависит также существование нашего бюро и судьбы моих коллег.

– Я все понимаю, я читала ваши рекламные буклеты.

– Вы только послушайте! Наши заказчики, перед тем как к нам обратиться, тоже были в страховой компании, заседали с юристами и старались обставить все так, чтобы вся ответственность ложилась только на нас. И вот теперь, если наш зонд вернется, мы заработаем грандиозную сумму. Ее хватит, чтобы начать новые проекты. Это значит, мы будем жить. Более того, если в пробах, которые мы возьмем, окажется то, что предполагают астрофизики, мы получим новые заказы. Будут построены новые корабли, буровые установки, базовые станции. Начнется освоение новой планеты. Мы разбогатеем и прославимся. Но если зонд взорвется на старте, сойдет с орбиты, не проникнет в смежные галактики или сядет с полумками, тогда все — нас нет. Наше бюро опишут и заберут за долги.

– Напомню, что вам предлагалось вступить в СРО. В этом случае у вас не было бы проблем со страховкой, «Космопром» взял бы на себя все риски. Но ваше бюро предпочитает делать бизнес особняком от профессионального сообщества.

– Мы только начинаем, а у вас непомерные взносы!

– Очень трогательно, но ведь в случае удачи вы станете миллионерами. Сверхприбыли окупят расходы на членство.

Инженеры переглянулись:

– Нет, мы выбираем страховой договор.

– Это, конечно, дешевле, — Хлопотовой было досадно, что проектанты не хотят понимать намеков, — но полных гарантий не дает.

– В ракетостроении ничто не дает полных гарантий.

– Как знать, как знать! Напомню все же, что внося каждый раз дополнительные пункты в реестр страховых случаев, вы автоматически увеличиваете сумму страхового взноса.

– Да, но сумма взноса итак уже... В общем, у нас нет больше денег, — отрезал верзила экономист. — Но вот это нужно обязательно указать, вот здесь, на сороковой странице. Вот тут мы внесли очень важный для нас дополнительный параграф: «Этапы посадки»!

Инженеры уткнулись глазами в страницы проекта, судьба которого была только что решена. Хлопотова разочарованно смотрела на их плечи. Ей не было жаль конструкторов, ведь они знали про космос все, а значит, должны были знать и про СРО. «Черт с вами, погибайте, — думала Надежда. — Только не приходите потом в фойе «Космопрома» и не стреляйтесь на виду у посетителей. Хватит с нас мозгов на коврах!».

– Может, все-таки можно это включить в общую стоимость, это же, по сути, просто слова, — директор бюро уже еле шевелил губами.

– Ну, «отстрел крышки» и «ввод тормозного парашюта», — с этой минуты Хлопотова работала отстраненно, — можно объединить в один пункт. Хотя нет, я предлагаю сделать по-другому. Основу проекта оставим без изменений. Но в параграфе «Гибель аппарата в результате аварии» в скобках можно указать через запятую: при отстреле крышки, вводе парашюта, спуске...

– При перецепке и вводе двигателя мягкой посадки, — говорили инженеры хором, как сектанты в молитвенном экстазе.

– Все это заменим словом «так далее». В таком случае, это будет уточнение, а не дополнительный страховой риск.

– Да. Это подходит, — выкрикнул главный инженер. Конструкторы зашелестели чертежами. Лица у всех посветлели, и только экономист был по-прежнему напряжен.

– Тогда, пожалуйста, как можно скорее предоставьте мне исправленный вариант, и я обсужу его с коллегами-акционерами.

– Конечно, конечно, — лепетал старый конструктор, он и его подчиненные резко засобирались. За столом возвышался только громила с экономической жилкой, которому, судя по его виду, предстояло совершить самое сложное дело. Когда инженеры вышли, он резко встал:

– Надежда Евгеньевна — вот! — он выставил на стол элегантную коробочку. — Как говорится, знак внимания! Редко встретишь человека, не задействованного в нашей отрасли, но так быстро вникающего в суть дела... И ваша порядочность тоже дорогого стоит. Ведь «Космопрому» выгодно поднять цену на страховой договор, а вы нашли выход, подсказали решение...

– Ну что вы, наша компания тоже хочет, чтобы ваш зонд вернулся невредимым, — Хлопотова натянуто улыбнулась, — ведь если планета богата углеводородом или полезными рудами, будут новые аппараты, и страховать их, я надеюсь, вы придете к нам.

– Разумеется. Спасибо. Успешного дня.

Хлопотова поблагодарила за духи, а про себя подумала, что знать о подмене переговорщика инженеры не могли, значит, подарок дежурный, из разряда тех, что носят в портфеле, чтобы подмаслить секретаршу. Кстати о секретарше, зря я сорвалась на хлопотовскую помощницу. Судя по всему, она — безобидная бабенка. Супружество материнство, стабильность... А тут я, как снег на голову.

В лифте подрагивал свет, как будто утренняя нервозность распространилась по всей корпорации, и дело дошло даже до перепадов напряжения. Хлопотов по-прежнему не отвечал, Надежда опять была в его департаменте.

– Как вас зовут?

– Света.

– Простите, Светлана, мою утреннюю грубость. Сегодня все на взводе. Примите это в знак примирения, — Хлопотова выложила перед секретаршей инженерский презент.

– Ой.

– Что, ваш Рейган — готов?

– Я отчет отправил, — ворчливо заметил хлопотовский зам, — а насчет планерки сомневаюсь. Всегда ваш муж ходил. Я выступать не умею.

– Там всегда один выступающий. Ваше дело — усердно конспектировать в блокнот указания господина Охальника, — Хлопотова взяла Рейгана за рукав и повела к лифту. Рейган не упирался, но по лицу было видно, что шел он, как на заклятие.

– Вы, случаем, не инженер по образованию, что-то в вас есть от них, — сказала Хлопотова и подумала, что он не похож на офисного человека. Да и вообще на человека не похож.

– Нет. Я в ракетных войсках служил, потом на транспорте работал... — Рейган прятал глаза.

– Вы ни разу не были в президентском коридоре?

Рейган помотал головой.

– Стоит посмотреть. По сути это не помещение, а произведение актуального искусства. Господин Охальник увлекается инсталляциями и перформансами. Как знать, возможно, выставочная индустрия потеряла великого художника.

– Похоже на сенсорные панели, как в поездах.

– Это интерактивное панно, — Хлопотова дотронулась до стены, и изображение вселенной ожило. Планеты тронулись, спутники и станции заскользили по орбитам. — Дотроньтесь до любого предмета, и вы измените ход движения.

Рейган коснулся военного корабля, и в президентском коридоре развернулась космическая битва: звездный конвой атаковали пиратские штурмовики, им на встречу стартовала эскадрилья истребителей, стены засверкали лазерными лучами. Рейган заморожено наблюдал. Хлопотовой было некогда ждать, пока замдиректора наиграется, она провела пальцем по панно и устроила метеоритный дождь. Все корабли были сбиты кремниевыми глыбами.

– Чувствуешь себя богом, — седоватый Рейган по-детски восхищался.

– Это иллюзия, во время планерки снова почувствуете себя червем.

2

Маты вздрагивали от ударов, борцы отрабатывали броски. Чуть поодаль лязгали мечами фехтовальщики. Макарий Амати́дис тренировался вместе с метателями копий. Возраст магната давно перевалил за пятьдесят, но его копье все так же метко втыкалось в сердцевину мишени. Разве что выдох при этом получался у него более тяжелым и длинным, чем у молодых атлетов.

– Макарий Леонидович, Виктор Хлопотов доставлен. Ожидает в мастерской, — доложил секретарь.

– Бездарные рабы, как вы посмели осквернить моих творений колыбель? Неужто мало места во дворце, что я полжизни строил по чертежам великих мастеров?

– Простите, мы торопились.

– Хэ! — Амати́дис метнул пику, но на этот раз она отскочила от мишени, — испортил из-за вас, глупцов, свой гимнастический рекорд. Что ж, в состязаниях удачи нет. Пойду тогда посмотреть, как Хлопотов дрожит — гнуснейший из людей.

Амати́дис вышел из душа одетым в повседневный хитон. Он и его свита пересекли тренировочный зал и встали на платформу из струганных досок. Лифт скрипнул и стал медленно подниматься, движимый усилием нескольких рабочих, усердно тянувших канаты. Потом они шли по лестничным пролетам, с которых открывался вид на административный офис компании «Космострой».

Холл делили тысячи перегородок. Каждый сотрудник стоял в своей ячейке по стойке смирно и пел. Взгляды служащих были устремлены ввысь. Под потолком был закреплен огромный монитор, на котором загорались строчки гимна.

– Не слышу я в их пении души, — Амати́дис задержался на одном из этажей и грустно посмотрел на своих работников, — какой отдел посмел так плохо Зевса славить?

– Сметчики.

– Чем петь так, как они, так лучше бы молчать. Стенанья их великий бог принять способен за издевку. Молитвенный экстаз нагнать им не под силу. Я и не требую того. Но за покой и за достаток молиться искренне обязан каждый! Пусть знает предводитель сметного отдела, что я разгневан. Коль в должности остаться он желает, пусть победит его отдел на состязанье хоровом.

Секретари заскрипели щепами по сверткам.

– Пока свободны все. Я с пленником желаю говорить наедине.

Члены свиты поклонились и разошлись. Амати́дис вошел в залитую светом и заставленную скульптурами мастерскую. Напротив этюдника стоял стул, к которому был привязан испуганный молодой человек лет тридцати.

– Развяжите меня, Макарий Леонидович. Ужасно затекли руки.

Амати́дис развязал человека, тот потер запястья и принялся кусать ногти.

– Раз знаешь имя ты мое, известно, стало быть, и то вранье, что в Интернете пишет твой хозяин обо мне. Кто ты таков, я собираюсь выяснить тотчас же. Твое досье представил мне мой секретарь.

Амати́дис стал читать с листа:

«Хлопотов Виктор Геннадьевич, уроженец поселка Заветы Ильича Московской области, проживает по адресу: город Москва, ул. Первых колонистов, д.17/1, кв. 106. Образование высшее, специальность «менеджмент». Должность — директор Департамента регионального развития СРО «Космопром». Зарегистрирован на всех интернет-форумах космической тематики, подписан на специальные издания, посвященные ракетной промышленности. Имеет профиль «ВКонтакте». Активный потребитель порнографии и пользователь сайтов знакомств».

– Суки, а еще деньги снимают за конфиденциальность, — возмутился пленник.

– Молчи несчастный, пока не разрешил тебе я говорить. Что дальше пишут, интереснее гораздо: «В свободное время читает псевдоисторические книги, интересуется альтернативными вариантами развития отечественной истории. Некоторые комментарии, оставленные на социальных порталах, можно трактовать как антиконституционные. В остальном типичный обыватель средних лет». Сдается мне, не любишь ты российские порядки, а стало быть, и Родина тебе не дорога?

– Нет, что вы, просто я за то, чтобы к людям помягче. И вообще, мне не понятно, зачем вы меня похитили и собрали это досье. Я действительно «типичный обыватель средних лет», рядовой клерк. Ваши сверхприбыли или доходы господина Охальника мне и не снились, богатства космоса распределяются без учета моей скромной персоны.

– Богатства жаждешь? Так помолись богам, и те вознаградят.

Хлопотов пожал плечами:

– Мне, в общем-то, и зарплаты хватает. Еще бы руки не заламывали среди бела дня и в вертолет с мешком на голове не сажали, совсем было бы хорошо. А то, знаете ли, меня в вертолетах укачивает.

– О да! Я запах чую, — сказал Амати́дис и стал молча размышлять: «Блевотным запахом безбожные идеи лишь смердят. Источник их — магнат Охальник, миазмами он пропитал и подчиненных. За что, о Зевс, ты ниспослал мне во враги гниющих заживо орду. За что, хочу я знать? Пусть даст на то ответ сей раб ничтожный. Ведь счет таким, как он, пошел на миллионы. Они слабы поодиночке, но вместе мир героев могут сокрушить!»

«А может, то урок твой, молний повелитель? Возможно, учишь ты в скульптуре баланс добра и зла точнее соблюдать? Вдруг актуальность для богов Олимпа мое искусство потеряло?».

Такой ход мыслей сильно огорчал Амати́диса, и он мучительно искал решение: «А вдруг нашествие врагов есть наказание за то, что злым богам не ставлю статуй? Но что есть зло? Чтобы понять, соприкоснуться с ним обязан я поближе. Что ж, докопаюсь я до мерзкой сути и отберу всю силу тех, кто мне погибель приготовил. Для этого я должен знать, кто неприятель мой, каков состав его души?»

– Кто ты, ничтожный муж? — спросил Амати́дис задумчиво.

– Я простой исполнитель и к затеям Ивана Охальника практически никакого отношения не имею. Возглавляю один из его департаментов. И только. Региональное развитие — это только звучит круто. Возложить на меня развитие — это одна из шуток, на которые, как вам известно, так горазд ваш оппонент. Моя жена называет мой отдел — департамент вековой отсталости. Шутит так. Кстати, она — член совета директоров СРО «Космопром», и противостояние с вами — как раз ее компетенция. Так что зря вы меня схватили, никакой секретной информацией, а уж тем более рычагами влияния на руководство я не обладаю.

«Дрожит, — думал Амати́дис, — гадает, почему пленять не стал его супругу. Глупец, она ведь не Елена — жена царя ахейан. Она — раба, что строит из себя богиню. Что до нее мне? Но как слепок молодого поколенья ты — характерен и нужен мне, чтоб тип врага лепить. Осталось знать: каков ты изнутри?»

– Я в детстве мифом увлекался, — Амати́дис взял грифель и подошел к этюднику, — любил читать о подвигах Геракла и экспедициях советских космонавтов. Читал Гомера я и science fiction. И верил твердо: сам героем стану и сложат длинную поэму обо мне. И словно в воду я смотрел: достойным боги посчитали меня вершить историю России.

– Вы как-то путано излагаете. Это вы о ракетном нацпроекте?

– Нацпроект, — Амати́дис стал злиться, — тьфу, что за слово? «Здоровье нации», «Доступное жилье»... Что там еще? Развитие крестьянства и Дальнего Востока — все это

буквы на бумаге. Проекты те без крови были, а кровь России — это нефть! Согласен ты со мной?

Хлопотов кивнул.

– На счастье русских, спутник разглядел в разломах неизученных планет осадочные толщи. И мы стряхнули пыль с проектных папок, что в реформаторское время в архивах гнили ФСБ. Американцы, борясь с депрессией великой, построили дороги, опутав сетью автострад полконтинента. Их подвиг жалок. Мы, преодолевая кризис, в небо взмыли, и космос сделали колонией своей!

– Я про это сочинение выпускное писал.

Аматидис говорил и чиркал грифелем. Этюдник вздрагивал, и на картоне проявлялись схематичные очертания человека. Рисуя, он всегда возбуждался:

– Сопляк, что космос для тебя — учебника параграф? Когда для нас — вся жизнь. Кончая вуз архитектурный, разве мог я мечтать о перспективах социальных? Испепелили кризисы Россию, как Миноса-царя страну природный катаклизм. И начали мы строить вопреки прогнозам космический ковчег, чтоб нефть извлечь из недр галактик. Я шахту проектировал для тех ракет, Охальник строил механизмы, а вместе мы свой дух родили — из небытия!

– Ракеты летели за нефтью, чтобы продолжить наше сырьевое существование, — перебил Хлопотов.

– Но как летели эти техно-чудеса! Красиво было так, что подвига эстетика возобладала снова в головах! Действительно, галактики границы мы пронзили, желая ископаемые блага продавать. Но мы вселенную всю облетели! И все равно теперь, зачем.

Аматидис вспоминал, и взор его мутился от слез:

– Тогда же замыслом великим Зевс осчастливил голову мою. Украшив первый космодром античными телами, я осознал призвание свое. Я расписал все пусковые установки, как украшали амфоры когда-то греки, скульптуры астронавтов превратили космодромы в храм искусства. Я жил и ликовал. Историю верша, я сам героем мифа был!

– Гм. Да, повезло вам. А вот у меня в роду героев не было.

– Я вижу, что ты — раб, — мысль о том, что построенный им мир под угрозой, погасила восторг Аматидиса. Он отбросил грифель, сел напротив Хлопотова и стал зло всматриваться в своего пленника. А тот продолжал свой рассказ:

– Мне не от кого было заразиться вашей верой. Мой отец был не космическим воротилой, а земным трудягой. Упрямый старик, знаете ли, так и не поверил в идею звездной колонизации. А будь мой папа чуточку решительней, окажись в отряде передовых людей своего времени, мне бы не пришлось догонять, карабкаться и приспособливаться. Некоторые мои ровесники, благодаря предкам, имеют акции галактических корпораций. Был бы я одним из них, может, не сидел бы привязанным к стулу и не выслушивал бы от вас курс новейшей истории!

Аматидис громко крикнул: «Хэ», как будто только что метнул копьё. Потом резко встал и воздел руки к потолку:

– Я — стар, мой волос — сед, и скоро станет дряхлым тело. Но кто идет на смену мне? Молокососов поколение, что слыша звон монет, идут Охальнику в служенье? Порядок олимпийский под угрозой, героев век идет к концу, а вам плевать, как можно жить так? Понять хочу, кто предо мной? Какой изъян в тебе, и отчего не жаждешь подвигов, хотя рожден мужчиной?

Стало тихо. Хлопотов почесал затылок и выпалил:

– Я не герой, потому что вырос среди гуманоидов!

3

Аматидис недоуменно листал досье:

– Ты даже не свободный гражданин? Пришелец жалкий? Действительно, лицо землистое твое, но так бывает — у людей, страдающих запором. Ты гуманоид? Но возможно ль, чтобы разведка ошибиться так могла? В докладе нет об этом даже слова!

Хлопотову показалось, что мысль о его инопланетном происхождении, пришедшая в голову похитителю, может поменять ход дела.

– Но как же мог ты получить образование? И в паспорте твоем пометок нет о том, что ты с планеты прилетел. Постой, наверное, ты полукровка, а записали человеком по отцу? Или фиктивный брак с землянином был заключен твоей мамашей?

«Притворяться гуманоидом или нет? Черт его знает, к кому этот грек относится лучше: к людям из компании Охальника или к бесправным пришельцам? Хотя, если решили убить, все равно убьют. Будь что будет», — подумал Хлопотов и сказал правду:

– Нет. Я — человек. Просто у меня поры сильно забиты, оттого и лицо кажется серым. Я тональным кремом пользуюсь, а сейчас он потек от жары.

– О чем ты говорил тогда, безумец, когда припелл пришельцев в разговор?

– Я с ними работал в цехах на железной дороге. Когда я был еще совсем мальчишка, отец определил меня в ремонтную бригаду на вагонный участок.

– Зачем? В Москве немало мест рабочих, достойных расы человеческой.

– Каприз упряма. Отец не верил в успех СРО-проекта, а всех финансистов считал его приспешниками. Вот он и заставил меня работать в депо за то, что я против его воли поступил на экономический факультет.

Хлопотов вспомнил фразу, часто повторяемую отцом в подпитии: «Юношам, вместо того, чтобы считать чужие барыши и глядеть в звездные дали, нужно учиться крепче стоять на земле». Наглое похищение подтверждало правоту отца и насчет неустойчивости положения космического менеджера, и насчет изнанки СРО-процесса.

Но это теперь было очевидно, а десять лет назад студент экономфака Витя Хлопотов изучал биографии СРО-магантов и мечтал оказаться рядом с ними. Саморегулируемые организации (сокращенно — СРО) зарождались полвека назад как профессиональные союзы коммерсантов. Организация профсоюзного движения среди бизнесменов происходила под пристальным взглядом правительства. Главари ассоциаций собирали дань со всех предприятий своей отрасли и часть прибыли несли депутатам и чиновникам, чтобы те принимали выгодные им законы и указы. Проработала эта штука не долго. Хлопотов не помнил, какой именно президент подписал соглашение о вступлении России во Всемирную торговую организацию, но помнил вывод, который был жирным шрифтом обозначен в учебнике: «ВТО погубило российскую промышленность, которая не выдержала конкуренции с захватившими рынок иностранными конкурентами».

Дальнейшую историю саморегулирования Хлопотов изучал уже в корпорации Охальника на курсах повышения квалификации. «Банкротство предприятий, по идее, должно было привести к развалу профессиональных ассоциаций. Нет производства — нет промышленного лобби. Логично? Но заводы заросли таежным лесом, а СРО до сих пор процветают. Как так?» — недоумевал Хлопотов, будучи СРО-шным новобранцем. Противоречие разрешилось, когда начальство посвятило его в секреты программы космической колонизации. За прозрение пришлось заплатить подпиской о неразглашении государственной тайны и возможностью выезжать за границу. Однако сегодня утром выяснилось, что за комфорт, обеспеченный господином Охальником — ведущим игроком СРО-проекта, придется платить дороже.

– Не останавливай рассказ, я это не люблю. Ты начал про отца, продолжи!

Аматидис нахмурился, и Хлопотов тут же прервал размышления:

– Мама рассказывала мне, как взлетели первые ракеты, тогда они с отцом только начали встречаться. Он был чуть ли не единственным из ее знакомых, кто не радовался и не ликовал вместе со всеми. Папаша говорил, что челнок «Буран» тоже один раз слетал, а после этого по всей стране ввели талоны на продукты.

– Я сам отец, — перебил Аматидис, — и не могу понять, как любящий родитель мог сына своего в одну бригаду к нелюдям определить?

– Он называл это «пощупать жизнь». Предполагалось, что через тяжелый труд мне откроются истинные ценности, я отброшу ложные ориентиры и выучусь на инженера.

– Довольно странно это! Даже для меня.

– Да уж, батя был самодур, но мужик он был добрый — с самого начала сочувствовал гуманоидам. Теперь это даже модно в либеральных кругах — говорить о правах пришельцев. Но отец все видел по-своему, говорил, что между нами и ними нет никакой разницы: пока не пригнали переселенцев с других планет, принято было оскотинивать людей.

– И что ты мыслишь о родительской науке? Кем стал ты — человеком? Иль приблизился к скотам инопланетным?

– Не знаю, — Хлопотов про себя отметил, что лицо Аматидиса смягчилось. Подумалось даже, что его не убьют. Может только ребра сломают. Он продолжил:

– Я тогда о личностных деформациях не задумывался. Меня занимал только один вопрос — сексуальный. Я был девственник и находился в состоянии постоянного возбуждения. Папа отправил меня туда, где, по его представлениям, пахнет солидолом и трудовым потом. Но воздух над вагонным участком отчего-то был пропитан запахом мужского семени и несвежего женского тела. Так пахла жизнь, но не та, абстрактная, которую хотел показать отец, а настоящая, животная жизнь — жизнь под небом и на колесах.

Аматидис оторвался от этюдника. Хлопотов продолжил:

– В первый рабочий день я еще не знал, что проработаю в депо до окончания вуза. Я думал, это временно, пока отец не забудет свою блажь. Блестели рельсы, посвистывали маневровые локомотивы, гуманоиды тащились к цехам. И еще повсюду сновали пришелицы. Проводницы! Я даже остановился посмотреть, как одна залезает на вагон. Она приподняла юбку, задрала ногу на ступеньку и лихо запрыгнула в тамбур. Я видел ее белое бедро!

Под воздействием пережитого шока Хлопотов разговорился. Он уже не думал о реакции похитителя. Он вспоминал:

– В первый день я остановился перед входом в ремонтный корпус. Из ворот пахло сыростью. Было жутковато. И вдруг — рука! Я обернулся — какой-то маленький усатый гуманоид трепал меня по плечу:

– Новенький? — спросил он меня, а я смотрел на его руку. Ногти его были изъедены грибок и походили на звериные когти.

– Не бойся, — говорил он, — здесь только первые десять лет тяжело, а потом привыкаешь. Я не успел ответить, как он утянул меня за собой, во мглу корпуса. Мы познакомились — пришлось пожать его страшную руку. Представился он необычно — Рейган. Во времена разборок за нефтяные планеты он был пулеметчиком лазерной установки на орбитальной станции. Я слышал, что ветеранов той кампании в шутку зовут джедаями или уважительно — Звездными войнами. Но этот гуманоид был смешной и безобидный, вот его и прозвали Рейганом в честь американского президента, грезившего космическими баталиями.

Хлопотов говорил о самой тяжелой в своей жизни работе, но на душе почему-то стало легче:

– Лицо мое было тогда совсем светлым и даже розовым. Рейган догадался, что я человек, что студент и что устроился на временную подработку. Он хвалил меня: «Правильно. Закончишь учебу — и в кабинет. А мы — волы. Отцы наши прилетели сюда в надежде на лучшее.

Но прожили как каторжники. Теперь мы за них лямку тянем, пока не положат в гроб и не забросают глиной». Эти слова запали мне в душу. Я их всегда вспоминаю, когда стою в пробке и встречаюсь глазами с дорожным рабочим или вижу, как пришлица треплет заснувшего на скамейке пьяного мужа.

– Воистину ты — жалкий пораженец. Сочувствие к пришельцам — первый признак духовного недуга. В движении «Галактика свободы» ты случаем не состоишь? О, знал бы ты, как ненавистно племя ваше мне и Зевсу — отцу людей, пришельцев и богов!

Хлопотов уже не обращал внимания на реплики Аматидиса:

– Помню, как впервые зашел в мастерскую. В сигаретном дыму сидели гуманоиды. У мастера была борода, он кашлял, матерился, и непонятно было, человек он или пришелец. Мне дали ящик для инструментов, но Рейган высыпал из него весь инвентарь. Я удивился, но спорить не стал — мастер определил его в мои наставники.

Мы долго шли по рельсам, подлезали под вагоны, продирались сквозь бурьян. Наконец, Рейган привел меня к окну вагона-ресторана и сказал ждать сигнала.

Я сидел на ящике в зарослях заляпанного мазутом репейника и смотрел по сторонам. Рейган все не свистел. Зато я успел подглядеть, как в купе резервного вагона переодевается проводница. Вдруг в окне что-то мелькнуло и тут же шлепнулось в кусты. Рейган высунул голову и велел спрятать то, что упало. В траве я отыскал добычу — это был сырой куриный бройлер. Я сунул его в пустой ящик и залез на вагон.

К тому времени я не успел попутешествовать, поэтому в вагоне-ресторане было волнительно. Тут не оказалось белоснежных скатертей и ковровых дорожек, барная стойка была закрыта фанерным щитом, а столы сложены. Все свободное место занимали коробки с продуктами и дешевой электроникой.

Я рассматривал чудесный ящик Рейгана: трогал муфты и краники, перебирал болты и гайки, колот пальцы о жала гвоздей и заусенцы пружин. А он устранял течь в кондиционере и отпускал фразы вроде: «На семнадцать дай накидной!» — или — «Уснул, студент?».

Повар тыкал вилкой жарящихся кур, директор ресторана считал коробки. Наконец, Рейган спрыгнул с табурета и громко сказал, что пойдет в туалет — мыть руки. Но я видел, что вместо этого он шмыгнул в кухню. Оттуда он вышел неестественным, спортивным шагом. Я поспешил за ним. Мы почти достигли тамбура, как повар крикнул:

– Мужики, стойте! Стой, слесарь — ты горишь!

Мы замерли. Спецовка Рейгана и вправду дымилась. От самой кухни за ним тянулся шлейф белого пара.

– Смотри сам, гад, не сгори! — крикнул Рейган и спрыгнул с вагона. Я за ним. Потом мы долго бежали, борясь с высокими лопухами. Когда выдохлись, легли. Оказалось, что Рейган стянул курицу прямо с вертела, и пар шел от нее. Обожженную грудь он обтер грязной тряпкой. Ту же ветошь он постелил на ящик и разломил добытую птицу. Клянусь, что в жизни не ел вкуснее этой курицы!

Я волновался, что директор ресторана пожалуется на нас мастеру, а тот сообщит о моем поведении отцу.

– О да! Он не был бы в восторге от истин, что открыл тебе тот грязный гуманоид! — засмеялся Аматидис. Хлопотов подумал, что смех чокнутого магната — это хорошо, и продолжил:

– Потом Рейган предложил мне выпить. Я отказался. Я вообще долго отказывался, и потом если и пил с гуманоидами, то совсем понемногу! Зря. В корпорации Охальника я понял, что люди пьют не меньше, просто употребляют дорогие напитки.

Рейган выпил залпом чекушку и спросил, есть ли у меня девушка, и я соврал, что есть, даже назвал ее имя — Надежда. Рейган сделал вид, будто поверил, и сказал, что у него давно не было никаких надежд.

– Мы с женой уже давно не трахаемся, — говорил он о себе, — я, жена, теща и сын спим в одной комнате. Я иногда жене говорю: давай по-тихому! Она ни в какую: малыш проснется, увидит и испугается. «Кого? Тебя, дуру не покрашенную?» — «Нет, — отвечает, — тебя, хмыря немытого». Так и засыпаем.

В обед мы вернулись в мастерскую, насадили на арматуру сырую курицу, которую я поймал в кустах, и кинули на кузнечный горн. Рейган и цеховые гуманоиды пили настой из забродивших ягод и закусывали грилем.

Я грыз прожаренные крылышки и думал о Рейгане. Его история казалась мне шокирующим эпизодом из семейного быта пришельцев. Я был уверен, что у меня в будущем все будет по-другому, по-человечески — и работа, и личная жизнь. Просто нужно было переждать, пока перегорит отцовская дурь.

У Аматидиса зазвонил телефон, и допрос прервался.

4

Быков и двое слесарей из гаража сидели в приемной Охальника. Быков хмурил лицо, но в тайне радовался, что его вызвали к шефу. Такой вызов мог означать только одно — особое задание.

Быкову уже приходилось по просьбе главы компании выполнять незаконные поручения. На службе он привык быть нужным и даже незаменимым. Однако последние несколько лет выдались неудачными. Быков работал в охранных предприятиях и часто менял объекты. Но прежде, когда он служил в ракетных войсках и охранял склады на степном космодроме, начальство часто пользовалось его готовностью услужить. За эту страсть к неофициальным поручениям Быкова и выгнали из армии. Командир полка, которого прапорщик не выдал военной прокуратуре как соучастника, не остался в долгу и помог деньгами на первых порах. Но потом долгое время приходилось сидеть на голом окладе. И вот, наконец, его заметило новое руководство — сам Иван Охальник, один из королей мира СРО.

Быков снова стал незаменим и востребован. Каждое новое задание он считал проявлением высокого доверия и с радостью за него брался. Хотя в этот раз его озадачивало одно обстоятельство — к чему в приемной босса эти гуманоиды из гаража? Уж не с ними ли придется работать? Пришельцев Быков ненавидел лютой, животной ненавистью, считал их тягловым скотом и никогда не понимал людей, относящихся к ним, как к равным.

– Зайдите, — обратилась к Быкову секретарша, — и вы тоже.

Быков недовольно оглянулся на гуманоидов, нерешительно топтавшихся у двери кабинета: «Идите, раз зовут!» — скомандовал он, желая сразу обозначить, что он — главный.

На столе Охальника был разостлан резиновый костюм, похожий на водолазный, но только более навороченный, с датчиками, экранчиками и связками проводов вместо подкладки. Сам магнат несколько растеряно поглядывал то на пульт, то на инструкцию по применению. Чутье служаки подсказывало ему: у главы корпорации проблемы, вот он, шанс показать себя и снова возвысится.

– Ну что, Бык, поможешь мне?

– Так точно, — Быков всегда с гордостью подчеркивал свое офицерство, ему было невдомек, что Охальник еще при первой встрече безошибочно определил в нем банального вора солдатской тушенки и ракетного топлива.

– Поедешь с мужиками в область. По ярославской дороге есть такой поселок — Заветы Ильича. Так вот, надо там один адресок пробить. Искать на квартире вы будете вот этого человека, — Охальник показал на мониторе фотографию начальника Департамента регионального развития, одетого, правда, не в костюм, а в промасленную спецовку.

– Он гуманоид, что ли?

– Сам ты гуманоид! Вот, смотри, еще есть фото, — Охальник стал кликать мышью на иконки других фотографий. — Вот со свадьбы — он жених. Вот он на новогоднем вечере пьяный. Это три года назад было, сейчас он старше выглядит.

– Я его знаю, он муж Надежды Евгеньевны Хлопотовой.

– Правильно. Вот адрес.

– Эти хмыри зачем? — кивнул Быков на гуманоидов.

– Дверь железная. Это квартира, доставшаяся в наследство от покойных родителей. Если он там, то не один, а с женщиной. Следовательно, может не открыть. Слесари аккуратно вскроют замок, так чтобы потом можно было другой поставить, и так, чтобы не повредить дверь.

– Если он откажется ехать, бить можно?

– Ни в коем случае. Он не откажется. И вообще, вести себя вежливо. Если он не один, бабу не волновать. Чтобы никаких криков, соседей и понятых. Понятно?

– Так точно.

– На машине сейчас ехать бесполезно, даже по платному шоссе. Все стоит. Поэтому дуйте на электричке.

– Может, если дело серьезное, стоит поднять в воздух один из корпоративных вертолетов? — Быкову страсть как хотелось с ревом пролететь над стоящим в заторах обывателем.

– Нет. «Заветы» — это такая дыра, что на вертолет смотреть весь поселок сбегится. А нам это не к чему.

– Разрешите идти?

– Валяйте и постарайтесь побыстрей!

Быков вышел и сразу стал распоряжаться:

– Ну что, упыри, деньги на проезд есть?

– Не спеши, нам еще инструмент надо из гаража взять.

– А что же вы сразу не взяли, думали, руководство вас вызвало, чтобы о жизни поболтать? Кому вы нужны без своих железок? Вы еще что-то можете, кроме как молотками стучать? Бегом в гараж! Марш, марш!

Платить за проезд пришельцы категорически отказались, и Быков, чтобы не рисковать успехом операции, купил им билеты. Все шло хорошо, но на станции Мытищи машинист объявил, что поезд дальше не пойдет. На платформе женщина с опухшими икрами и бородавкой на щеке сказала, что террористы заминировали станцию «Заветы Ильича». Быков достал органайзер и полистал интернет-новости. Женщина оказалась права.

Такси брать тоже резона не было, пробку на Ярославском шоссе органайзер оценивал в 9 баллов. Через час пешего пути Быков и слесари, потные и усталые, оказались на месте. На платформе угроза теракта совсем не ощущалась. На скамейке спал разомлевший на солнце пьяный пришелец.

– Заветы И-А, — прочитал один из слесарей название платформы. — Иа — это такой грустный ослик из сказки, нам в детдоме воспитатель читала.

– Да нет, здесь половины букв не хватает, — поправил его второй гуманоид, — главный же говорил — «Заветы Ильича».

– Точно, Ильич — это их пророк. Он людям дал заветы, а они их не выполняли. Его долго не хоронили, хранили в будке под стеклом и ходили смотреть — кто плакать, а кто смеяться.

– По телику про него говорили, что он проклял их империю. Как его в землю закопали, так у них в космосе дела наладились — нефть нашли, нас завоевали.

– Заткнитесь, историки! И шевелитесь быстрее, не слышали что ли, как шефу время дорого?!

Осенний полдень был по-летнему жарким. Быков снял мокрую от пота тужурку и понес ее в руке. Пришельцы сгибались под тяжестью железных ящиков. Они прошли котельную, гаражный кооператив и торговую площадь. Наконец нашелся дом, номер которого был указан в инструкции Охальника.

В подъезде пришлось немного подождать — привыкнуть к темноте. Потом Быков несколько раз позвонил в дверь. В квартире старались не шуметь, но слышно было, как шепчутся и переговариваются. Быков позвонил еще раз: «Хлопотов, откройте! Мы знаем, что вы там! — добавил он громко, но дверь не открылась. — Ладно, приступайте».

Один из пришельцев посветил фонариком на личину замка:

– Быстрее всего — ригель кувалдой выбить.

– Шуму много будет? — Быков огляделся на соседские двери.

– Раз десять придется ударить.

– Еще есть варианты?

– Попробуем «свертышем», — сказал пришелец и достал инструмент, похожий на обычный ключ, к которому приварен кусок металлической трубы. Потом он аккуратно вставил его в замок, напарник два раза стукнул по нему молотком, и они вдвоем навалились на трубу. В замке что-то треснуло.

– Все.

Быков потянул дверь на себя, и тут же лестничная площадка наполнилась детским плачем и женскими криками. Быков оттолкнул гуманоидов и заскочил в квартиру. В прихожей верещали три пришельцы разных возрастов, к их ногам жались старшие дети, в кухне варилась говяжья похлебка, в ванной сушилось белье, в спальне никого не было, посреди единственной комнаты сидел на горшке маленький гуманоид. Кто-то крикнул: «Полиция, мамочки — убивают!» Быков выскочил из квартиры, и вся компания бросилась наутек.

На полпути остановились отдышаться. Только встали, как на пригорке показалась зеленая змейка электрички.

– Быстрее, — скомандовал Быков отставшим гуманоидам. — Бросайте, на хрен, свои ящики!

Поезд посвистывал и снижал скорость, Быков вбежал на платформу и оглянулся на гуманоидов.

– Бросайте ящики, сволочи! — двери вагона открылись. Быков забежал в тамбур и сорвал стоп-кран. Воздух с шипением вырвался из тормозных магистралей, машинист матерился по радиосвязи. Быков вернулся к дверям и стал их удерживать руками. Гуманоиды наконец бросили в тамбур свои ящики и, задыхаясь, ввалились сами.

— Жмотовилы чертовы! Удавитесь за свои железки! Из-за вас чуть все дело не провалили!

– Да пошел ты, вертухай! Ты сядешь в будку на проходной и будешь дальше рылом торговать. А я чем работать буду? У меня в этом ящике — вся жизнь.

– У-у-у, мутанты вырожденные! — Быков замахнулся на гуманоида кулаком, но тот достал из кармана отвертку, и военный решил не связываться.

– В метро сами за себя платить будете! — Быков сплюнул, вошел в вагон и уставился в окно.

Все форточки были подняты, но было жарко даже на ходу. Этой запоздалой жаре никто не верил. Август был холодный, и подмосковные перелески уже желтели листвой. Трава выгорела за лето и тоже была буро-желтой. Быков вспомнил осень в степях, чернеющие вышки пусковых установок посреди бескрайних равнин. Он не видел ни одного пуска, потому что служил в гарнизоне, но знал, что ракеты регулярно взлетают, и чувствовал себя причастным к полетам.

Здесь, в столичной области, ничего не изменилось за время колонизации. Все те же рабочие поселки, выстроенные еще советской властью по заветам Ильича, дачные домики, облепившие поля, и бесконечные ряды гаражей. Быкову казалось, что он попал в прошлое. Этот пейзаж он мог наблюдать здесь, если бы жил во времена экономических кризисов или в давно ставший уже былинным советский период. О том, что он живет в ракетное время, ему напоминал только повторяющийся видеоряд на плазменном мониторе.

Быков смотрел на экран, вмонтированный в вагонную переборку под самым потолком. Космические агентства предлагали внаем грузовые места на транспортных кораблях, привлекали к сотрудничеству добывающие компании, вербовали пилотов и военных для службы на космолетах. Быков вздохнул. Он знал: без блата, а тем более с подпорченным послужным списком, дорога в космос для него закрыта.

В вагон зашел полноватый светловолосый мужчина в деловом костюме и переброшенном через руку светлом плаще. Лицо пассажира показалось Быкову знакомым. Не наш ли, не

космопромковский? Быков открыл в органайзере картотеку работников и полистал фото. Так и есть, наш страховщик, да еще и начальник отдела.

Быков подсел к вошедшему мужчине, тот жадно хлебал минералку из литровой бутылки. Попив, мужчина достал телефон:

– Макарий Леонидович, это я — Малек. По-моему, у нас проблемы с тендером.

Быков стал наблюдать за парнем и догадался, что тот звонит начальнику. Но начальником у него был господин Охальник, который носил совсем другое имя и отчество.

– Я уже звонил нашим кураторам из районной администрации, напоминал про договоренности — они и слышать ничего не хотят. Говорят, что правительство проводит открытый тендер. То есть по конкурсному стандарту на строительство объектов государственной важности. Да, в два этапа. Уже комиссию сформировали: чиновники из департаментов. Серьезно все. Ну а я что могу сделать?

Быков внимательно прислушивался к разговору:

– Они помнят про договоренности и про ваши заслуги помнят, говорят — ситуация изменилась. Приказ сверху пришел. Федералы будут проведение конкурса контролировать. Чертежи им ваши не подходят — неправильно оформлены. Советуют подготовить проектную документацию. Причем эстетическая часть: барельефы, скульптуры, фрески — это их не интересует. Оценивать будут техническую сторону. Нужен настоящий проект, со слайдами, роликами, презентациями, интерактивными стендами. Мобилизуйтесь, Макарий Леонидович. Знаю, что не мальчик, но ничего не поделаешь.

«Странно, — думал Быков, — вроде наш страховщик, а разговаривает о строительстве. Да и что за Макарий?» — поисковик органайзера показал, что в картотеке сотрудников такого человека нет.

– Я прямо сейчас не могу заняться поиском специалистов. Я не в Москве. На восточном участке приостановили работы. Я ездил туда, хотел подмазать местную власть — не взяли. Какой-то заговор. Я ж к ним: и к мэру, и к главе района — как к своим, заходил. А они, видно, забыли, сколько ваших денег раньше кушали. Сам расстроился, я ведь из-за этого важное совещание с клиентами пропустил. Да тут еще платформу заминировали, полдня поезда не ходили. Я постараюсь, Макарий Леонидович, и вам удачи.

Мужчина отключился и открыл минералку, намереваясь отпить.

– Командир, угости водичкой — вся глотка пересохла, — вкрадчиво попросил Быков и уставился на соседа, как на старого знакомого. Тот протянул бутылку, а сам встал и перешел в другой вагон.

«Мутный тип, надо с ним повнимательней. Эх, не дает Охальник развернуться, все либеральничает. Уж я бы всю эту сволочь», — Быков показал кулак гуманоидам и уставился в окно.

5

Аматидис раздраженно спрятал телефон в карман брюк. Отчет Малька подтверждал его догадки о том, что Охальник, готовясь к удару, прежде всего заручился поддержкой чинуш. «Ничтожества, — успокаивал себя магнат, — Охальнику не выйти на министров. Ведь нету тех богов на небе, которым не противно станет помогать ему. Сановникам губернским мне не испортить даже аппетит. Они рабы, а я обласкан милостью кронидов».

– Нет веры никому, — сказал он вслух, — ведь даже федеральные чины не брезгают мздоимством, и взяв монет кошель, не гарантируют успеха в деле. О страшный век — где все лишь исполняют роли, но ни за что ответ не держат!

Аматидис снова замолчал, погружившись в глубокий политический анализ. Он думал, что попытки людей Охальника сорвать закладку котлованов в Подмосковье — следствие, а не причина его бед. Магнат знал: земные судьбы вершатся на Олимпе, а значит, его неудачи могли быть связаны с божественными распрями. «Своим умом осмелился предполагать я, — размышлял он, — что бунт титанов стал причиной войны. Но разве б Гея, всех строителей богиня, или Гефест, ремесел покровитель, в обиду дали бы меня? Скорей всего, Ареса то интриги. Охальник — стало быть, служитель его культа и жрец войны несправедливой. Но Хлопотов ведь не похож на воина: не грезит битвой он, не жаждет крови. Ему лишь похоти соблазны интересны. Итак, неверен мой анализ, причины распри кроются в другом».

– Я вижу, раб несчастный, что тебя молодого лишь секса радости влекли? И что же, ласки дев испытывал ты часто? — обратился он, наконец, к своему пленнику.

– Если честно, то нет, — признался Хлопотов, — влюбился я не в ту, с кем можно быть счастливым. Учились мы в одной группе.

– Про ту Надежду молвишь ты, о близости с которой врал гуманоиду? — спросил Аматидис и про себя отметил: «Так же зовут его жену».

– Да, с ней. Из нас готовили менеджеров для ракетной отрасли, но видно было с первого дня, что после учебы армянин Арсен будет помогать дяде в автосервисе, Вова-панк соберет музыкальный коллектив, красавица Женечка станет женой бизнесмена, а сестры Зельметдиновы всю жизнь прокорпят в бухгалтерии. Я, если бы не случай, так и остался бы в бригаде пришельцев. И только Надя смогла работать по специальности — в космическом страховании. В ней уже тогда была эта сила, которая теперь движет ею, помогает расти, добиваться успеха, раскрывать офисные заговоры и побеждать в интригах. Во мне этого и сейчас нет, а тогда, на первом курсе, я и вовсе был лопух.

Аматидис задумался: «А может, этот Хлопотов искусству лжи так хорошо обучен, что дурит он меня, ничтожным притворяясь. Не он ли с департаментом своим срывает стройку мне под Сергиев-Посадом?»

Хлопотов же говорил только о личной жизни:

– Мне Надя нравилась несмотря на то, что ее красота была агрессивной и даже чуть-чуть мужской. Может, я втайне хотел, чтобы она взяла меня на буксир. Мы с ней все же составили пару, но буксирным тросом нас соединили обстоятельства. Хотя лучше по порядку. Тот случай переехал меня, как каток. Был сентябрь, такой же солнечный и теплый день, как сегодня. Мой сокурсник Арсен, не стесняясь преподавательницы, лапал нашу красавицу Женечку. Армянин совсем осмелел и начал облизывать ей шею, как вдруг тетка-экономист не выдержала:

– Вы, наверное, думаете, что все живое во мне давно высохло и застыло. По-видимому, вам кажется, что кроме экономических формул я ничего уже не понимаю. Вы решили, что естественные проявления жизни давно не волнуют меня. Именно поэтому вы, Арсен и Евгения, так откровенно ведете себя, не так ли?

Все обернулись на парочку.

– Но вы ошибаетесь, — продолжила профессор экономики, — со мной не все так плохо, и я с большим интересом жду каждый новый день и встречаю каждый новый поток студентов.

Аудитория собралась — спавшие проснулись, рассеянные сосредоточились:

– Мне посчастливилось быть молодой в хорошее время. Тогда все были переполнены светлыми надеждами, энтузиазмом, поэтическим настроем! На наших глазах творилась космическая история. И, конечно же, у нас была любовь. Но мы не марали наши чувства пошлостью. Сальные нежности были у нас не в ходу. Мы всего лишь держались за руки, но нам не хватало воздуха — такой силы было наше чувство! — слова тетки резонировали с хвалебными речами в честь пятилеток колонизации. Мы не знали, что делать с ее словами: осмеять, или принять как откровение? И тут Арсен нашелся:

– Песня про нежность! — крикнул он, и пропел полкуплета старинной песни.

Аудитория разорвалась смехом. Гоготал Вова-панк, хихикали сестры Зельметдиновы, показывала белые зубы Женечка, Арсен радовался своей шутке, и только Надина спина оставалась ровной. Я точно помню, что она не смеялась. Семнадцатилетней девчонкой она могла себе позволить игнорировать коллектив. Уже тогда она была — вожак! Я из солидарности с Надей тоже не смеялся, я ковырял мозоли. Вова-панк вдруг резко повернулся ко мне и бросил на стол бумажный комок:

– Тебе.

Записка была он Нади, она звала меня в Зоологический музей.

– Я никогда не понимал, как луноокая и торсом стройная Надежда, — удивлялся Ама-тидис, — могла бы полюбить раба. Однако муж ты ей, чудно то!

– Мне стоило тогда тоже так подумать и не начинать все это. Но все лекции напролет я разглядывал ее и стеснялся, когда случайно попадался на глаза. Раньше я думал позвать ее на мороженное, но никогда не было денег. После того, как устроился в цех к гуманоидам, стали водиться небольшие суммы, но смелости не прибавилось. И тут она сама! Есть от чего взволноваться! Мозг в тот момент отказал мне, и я возомнил, что тоже ей нравлюсь. Я ответил: «С тобой готов в любой музей — хоть в патологоанатомический!»

На следующий день у меня была рабочая смена, потом у Нади были немецкий и соль-феджио. Мы встретились через неделю и пошли пешком от Кремля до музея:

– Правда, хорошо, что в этом году осень сухая? — спросила Надя.

– Да хорошо. Работать легко — сапоги на работе сухие, — строил я из себя брутального парня.

– Знаешь, а ведь гостиница «Москва» не настоящая. Я не поклонница концептуализма, но здание культовое — свидетель эпохи. Зачем его тогда сломали и заново отстроили? Глупо сносить то, что и так крепко стоит?! Правда?

Я кивнул.

– Моя мама увлекается архитектурой. Не знаю, откуда в ней эта страсть, она всегда работала по административной линии. Так вот, она говорит, что теперь весь исторический центр — муляж. А когда бабушка водила ее маленькой по этим местам, все здесь дышало стариной.

– У нас в депо тоже реконструкцию корпусов затеяли. Это сейчас модно, потому что деньги удобно отмывать.

– Я люблю гулять по центру. Здесь на одной улице могут стоять здания разных веков и можно играть, угадывая архитектурные направления и стили. Хотя и знаешь, что все не настоящее, все равно интересно. Дома не сливаются в единую мрачную стену, не стоят на голых пустырях одинаковыми коробками.

Я чувствовал себя участником телешоу для интеллектуалов. Не свидание, а экзамен на эрудицию — архитектура, потом зоология, что дальше? Наконец, мы, пройдя все примечательные дома, вошли в музей. Надя стала с интересом разглядывать коллекции моллюсков, клещей и других беспозвоночных. А я смотрел, на нее, когда она склонялась над стендами.

Фигура, кстати, у нее до сих пор прежняя. Потом мы пошли в кафетерий. Там Надя занялась мороженым и перестала блистать эрудицией. Я успокоился, собрался и начал свою первую, необдуманную и обреченную, атаку на женщину:

Хлопотов глупо улыбался, как будто он не в плену, а на сеансе массажа:

– Знаешь, Надя, в нашей группе мне нравится одна девушка. Я думаю, что как староста, ты должна помочь мне сократить расстояние между нами, — это я придумал такой ход.

«Интересно! Кто же она? Наверное, Женечка?» — она все понимала, просто мучила меня. Это и теперь ее хобби. «Тогда, может быть кто-то из сестер Зельметдиновых?» — продолжала она с улыбкой.

– Нет, — говорю, — моя избранница, она, во-первых — красивая; во-вторых — умная; в-третьих — ее зовут Надя; в-четвертых — она староста группы.

Надя немного помолчала и строго ответила:

– Виктор — означает победитель, поэтому ты должен справляться в сердечных делах без посредничества. Но мне больше нравится имя Иван — моего мужчину зовут так.

– Вот те на! — говорю, — что ж твой Иван с тобой в музей не пошел?

– Он космонавт и готовится к полету, его не отпустили со службы. Никто из моих друзей не захотел пойти в этот музей. Вот я и решила поискать компаньонов среди сокурсников.

– Странная ты. Учишься на экономике, говоришь об архитекторе. Зачем тебе нутрии и амёбы?

– У меня есть план: дважды обойти все московские музеи. Первый раз сейчас, пока учусь. Второй — уже с детьми. Я иногда ловила на себе твои взгляды, но, извини, никак не ожидала сходу таких объяснений.

До метро Надя попросила ее не провожать, и я поплелся в противоположную сторону. На одном из переулков мне встретились две потасканные пришельцы. На мои деньги мы выпили плодово-ягодного, и я попал в оборот этих нечистоплотных девок.

Мы пили разливную бражку на Старом Арбате, а потом водку и пиво на Ярославском вокзале. Не помню как, но я все же сел на свою электричку. В вагоне меня сморило, и я совершил несколько рейсов в соседнюю область и обратно, но в родном поселке так ни разу не проснулся.

Ночью разбудили патрульные:

– Где я?

– Город-герой Москва.

– Опять?

Все строчки табло были пусты — поезда уже не ходили. Домой было никак не попасть. Тогда я пошел по путям к вагонному участку.

Сторож, беспальный гуманоид, когда-то работал столяром в нашем цехе, но по пьяной лавочке отрезал циркуляционной пилой несколько пальцев. По старой памяти беспальный захаживал в нашу мастерскую, поэтому знал меня — новенького мальчика Витю:

– Проходи, раз ты наш, деповской, — на меня оскалилась старая овчарка, — тихо, Карина, свои.

Принюхавшись, собака успокоилась, но тут же залаяла и побежала к воротам.

– Не пугайся, это она бомжей вокзальных гоняет, — успокоил сторож, — эти мутанты, как похолодает, тянутся вагоны взламывать, чтобы поспать в тепле.

Я хотел лечь в сторожке на топчане, но сторож не дал:

– Спать сюда пришел, что ли? Так не пойдет. Напросился в гости — общайся, развлекай! — сказал беспальный и достал бутылку «Столичной».

– Это гостиница «Москва» — яркий пример архитектурного концептуализма, — я ткнул пальцем на водочную этикетку, — когда-то сам Сталин проект утверждал, в период кризисов

ее снесли, а потом выстроили заново. Это был первый дом, с которым так поступили. А теперь весь центр столицы — один большой новострой.

Гуманоид разлил водку и грустно заметил:

– У нас тоже грядет большое строительство. Ставку сторожа сократят, наймут охранное предприятие, а меня, инвалида, выгонят на улицу, и будут меня домашние гонять, как Карина тех мутантов.

Вот тогда-то я и выпил первый раз с человекообразным. Горло перехватило, как у преподавателя экономики от любви. Даже слезы навернулись.

Потом я рассказывал сторожу про красивые старинные дома и про беспозвоночных гадов, а сам думал: «Ничего страшного. Подумаешь, староста группы отказала! Не на ней одной вся надежда на земле держится. Гуманоиды, мутанты — все это временно. Будут еще красивые девушки, и работа, и квартира. Все как у людей будет. Все как у людей».

6

Хлопотова обедала в марсианском зале корпоративного ресторана. Полумрак обеденного холла подсвечивался красным лампами, стены украшали пейзажи Марса и интерьеры космических станций. Основной состав холдинга уже пообедал, и Надежда была в зале одна. Ожидая рыбу с тушеными овощами, она кликала приложения органайзера.

Весь день Хлопотова старалась настроить себя на спокойный рабочий лад, но утренние звонки босса и новость об исчезновении мужа не шли из головы. Хлопотова набрала номер Охальника:

– Иван, есть новости о Хлопотове?

– Киса, мои ребята только что посетили его малую родину. Там действительно квартиранты: семейка пришельцев, детишки сопливые. Так что если твой муж тебе и изменяет, то не в квартире своей покойной матери. Жаль, будь то загул, всем было бы легче. Это хуже: кто-то хочет на меня надавить.

– Да брось ты! Кому взбредет в голову шантажировать тебя Витей? Аматидис и ты — планетарные стратеги. Разве станете вы ради пешки рисковать партией.

– Волнуешься за него?

– А что бы ты делал, если бы исчезла я?

– Малыш, я бы сошел с ума от горя и был бы разбит маньяком Аматидисом. Но и Хлопотов мне тоже не посторонний, я же был тамадой у вас на свадьбе, я помню вас желторотыми выпускниками. Вы мне как дети, солнце мое.

«Шел бы ты со своей заботой, — злилась про себя Хлопотова, прекрасно чувствуя иронические нотки босса, — дорого бы я заплатила, чтобы не знать половину, из того, чему ты меня научил». Но в трубку сказала:

– Сообщи, если что-то узнаешь. Мне хочется думать, что Хлопотов уехал на окраину, взял в магазине дешевого алкоголя и сидит где-нибудь на мосту — смотрит на проезжающие поезда. Он у гуманоидов таким образом научился стресс снимать. Люди в бассейн ходят, фитнесом занимаются, а у него свои методы.

– Запой, говоришь? Хорошо бы. Только не помню я за ним таких срывов в рабочее время. Да и потом, он мог бы у себя в кабинете нахлестаться. Судя по донесениям уборщицы, он с заместителем полные урны бутылок оставляют после своих совещаний. Крепись, детка, обнимаю тебя.

Принесли обед. На тарелке была выложена гастрономическая мини-диорама Марса: куски печеной семги изображали один из утесов красной планеты; острый соус подмывал рыбные берега, как озеро лавы; искусно вырезанные ломтики картофеля образовали макет исследовательской станции, антенны которой были выполнены из бутонов брокколи. Надежда поддела вилок край утеса, макнула его в озеро соуса — вкус у блюда был вполне земным: нежным и слегка пикантным.

– Конечно, Марс Марсом, но такую рыбку только в земных реках выудишь! — судя по всему, посетитель вошел в ресторан и занял соседний столик, пока Надежда была занята разговором, — Вы не находите, что поесть по-человечески можно только на Земле?

– Наверное, — Хлопотовой совсем не хотелось разговаривать, но за годы работы в крупной компании она привыкла к корпоративному этикету и неискренней вежливости. Она уже не могла игнорировать даже незнакомого человека: раз он здесь, значит, коллега или клиент.

– Я заказал винегрет. Интересно, как он тут называется. Может, «неудачная посадка»?

– Смешно.

– Нет, я, конечно, рад, что мы — космическая империя. И в детстве у меня был специальный альбом, в который я клеивал наклейки с космонавтами. Но на то они и герои, чтобы пюре

из тубиков кушать! А мне, рядовому и незаметному, — оставьте мой холодец и мои пельмени! А вы как считаете, вам не надоела эта повсеместная экспансия космоса в частную жизнь?

– Я, признаться, экспансии не замечаю. Вы, верно, один из частных клиентов и не знакомы с историей нашей компании. А между тем, наш холдинг объединяет все российские предприятия по производству, эксплуатации и страхованию космических аппаратов, именно поэтому интерьер наших офисов и ресторанов оформлен в стиле neo-cosmic.

– Да нет, я знаю. Я — Мальков, ваш приемник по отделу страховки. Прошу прощения, Надежда Евгеньевна, что вам пришлось отвлечься от серьезных дел и провести за меня совещание. Телефонные террористы заминировали платформу на Ярославской ветке. Все движение встало.

– Так вот вы какой, Малек. Может, приобрести жилье в Москве, чтобы избежать накладок. У страховщиков неплохие бонусы, если мне не изменяет память?

– Нет уж, Надежда Евгеньевна, я хочу на березки в окно смотреть, а не на семейные ячейки в доме напротив. Увольте-с.

– Увольнять директоров не в моей компетенции.

– Хм, злой каламбур. А вот и мой винегрет. «Вулкан на Марсе» называется. А если у меня от слова вулкан изжога разыграется или от мыслей о космической еде гастрит разовьется? Вы знаете, например, что все пилоты из-за консервированной еды и пребывания в невесомости имеют большие проблемы с кишечником и опорно-двигательным аппаратом? Им всем перед пенсией инвалидность оформляют.

– Вы сгущаете краски. На орбитальных станциях и межгалактических кораблях есть специальные пищеблоки. Там выращивают богатые клетчаткой овощи, разводят стимулирующие пищеварение бактерии. Или вы из тех, кто критикует наши успехи в космосе? Но отрицать вы их не можете?

Малек вытер красные от свеклы губы и выпрямился. Надежда поняла, что неосторожным словом спровоцировала мужчину на дискуссию:

– Возможно, я вам покажусь навязчивым, но я стану их отрицать.

Хлопотова взялась за второй кусок семги и приготовилась выслушать монолог бытового философа, из тех, что подкарауливают добродушных отдыхающих на скамейках и пристают к пассажирам в транспорте.

– Все мы живем на Земле, но работаем на космос, — развивал идею Мальков. — Я каждый день проезжаю на поезде строящийся космодром Макария Аматидиса. Он, хочет воткнуть очередной ракетный объект в Подмоскovie. Я знаю, что наша компания противодействует проекту, но грек, хоть и с придурью, а лоббист бывалый. Значит, возле моего дома скоро вырастет стартовая площадка, и плакали мои березки.

– Разве директора департаментов имеют допуск к переписке акционеров холдинга? По моему, отношения между «Космопромом» и «Космостроем» находятся за пределами вашей компетенции?

– Надежда Евгеньевна, земля слухами полнится. Но вы не подумайте, что я лезу думать за начальство. Просто корпоративный обеденный треп.

Хлопотова всмотрелась в собеседника: полноватый, светловолосый, лысеющий середнячек, но взгляд, как у инквизитора. Что еще за Малек, почему Охальник не согласовал со мной его назначение? Или он министерский? Подписал в свое время важную для нас бумажку, но попался и вылетел из своего ведомства. В благодарность получил должность в «Космопроме», оклад, проценты от сделок. Тогда понятно, отчего у этого Малькова такие страшные глазки — попробовал вкус власти, сорвался с высоты, но все еще помнит как Аматидисы и Охальники заискивали перед ним на фуршетах?

– Вот вы Надежда Евгеньевна, советуете мне жить в столице. А дирекция в случае переезда предлагает мне частичное погашение кредита. Но я живу за городом, и это не упорство,

а убеждения. К тому же моя жена и дочь с их запросами в Москве мне будут обходиться в разы дороже.

– Так вот в чем дело.

– Не только, проблема коренится во всей нашей космической стратегии.

– Любопытно.

– Получается, что мы, то есть все россияне, все свободные граждане работаем на вселенную. А должно быть наоборот. Не я должен давиться космическим сэндвичем, через мины продираться к месту работы, губить здоровье стрессами и приспосабливаться к ракетным скоростям нашего века. Нет! Раз уж мы космическая империя, пусть вселенная работает на меня!

– Вселенная для нас или мы для вселенной — это вопрос не социальный, а философский. Или даже метафизический, разве руководство компании или государство может его разрешить?

– Нужно изменить внутреннюю политику. Нужно, чтобы героями стали не те, кого мы видим по телевизору в программе «Привет из космоса». Нужно, чтобы героем снова стал рядовой труженик, такой, как я, такой, как вы!

– Вы думаете, мы заслужили право на героизм в большей мере, чем те, кто рискует жизнями в холодной звездной мгле? Меня все считают сильной женщиной, но я не готова поменяться с ними местами. И потом вы забываете о переселенцах. Вселенная дала нам их, и они выполняют за нас черную работу.

– Я же не призываю отменить льготы космонавтам или отправить назад гуманоидов. Я просто считаю, что нужно поменять идеологический вектор. Перенаправить его из космоса на землю, в Россию. Космический прорыв произошел не только благодаря подвигу колонистов, но и полувековой налоговой повинности рядового гражданина. Когда члены правительства и медиа-персоны будут чаще заявлять об этом, нашим женам и дочерям будет легче гордиться нами: скрюченными за мониторами компьютеров, нервными от постоянной переработки и рано раздавшимися от сидячей работы мужчинами.

Официант унес пустую тарелку, Хлопотова снова недоверчиво поглядела на страховщика. Речи неудачника, перекладывающего вину за свою серость на окружающих. Внешность, соответствующая речам. Но страховой отдел далеко не на последнем месте в космопромской иерархии. Потом все бывшие чиновники приторговывают связями, на посредничестве между коммерсантами и бывшими коллегами он бы мог делать второй директорский оклад. Намеренно стирает лоск, приbedняется? Зачем, я ведь не налоговый инспектор? Хлопотова была почти уверена: как только она выйдет из-за стола или на секунду отвернется, этот Малек тут же преобразится или наденет другую маску.

– А что нам говорят эти доморощенные «эмансипе»? — продолжал тем временем страховщик. — Мужчины не те, мужчины не держат удар, мужчинам пора подвинуться. Моя жена тоже такие фразы любит отпускать. А еще ее любимая тема — почему я до сих пор Малек. Прозвище настолько приросло, что и домашние меня так называют.

– Малек — это что-то вроде головастика? — спросила Хлопотова и подумала: «Может, и не министерский, вполне обычный клерк, упершийся в потолок».

– Нет, головастик моложе. Малек — это уже рыбка, но еще не речной и не морской хищник. И это, по сути, правильно. Я — скромный исполнитель. А вы поищите-ка хорошего исполнителя, все нынче генераторы идей, креативщики. А кто будет все это воплощать? Правильно — Малек.

– Понятно.

– А моей жене не понятно. Она думает, что я — размазня. При этом я купил квартиру, обставил ее мебелью, холодильник всегда забит, раз в пять лет покупаю дорогую машину. Но я — не космонавт.

– Не герой.

– Точно. А все от чего?

– От излишнего либерализма, — Хлопотова уже почти отказалась от мысли о властном прошлом Малька, но предположила в нем домашнего тирана, срывающегося на своих женщин.

– Все это началось в Америке в середине прошлого столетия.

– Вот как?

– Да. В пятидесятые годы двадцатого века — это была самая социальная страна. Работающий мужчина тогда мог содержать неработающую жену и детей, потому что компании и государство платили ему щедрые дотации. Тогда работодатели, владельцы концернов и холдингов стали потихоньку финансировать движение за права женщин. Они победили, вчерашние домохозяйки заняли равное с мужьями место на рынке труда, но потеряли все социальные гарантии.

– У нас в стране женщины всегда трудились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.